

Я НИКОЛЬКО не преувеличу, если скажу, что мой друг Рам Кишан принадлежит к числу лучших кинорежиссеров Индии. Но есть одна слабость у этого способного и трудолюбивого человека — он крайне нерешителен. Прежде чем что-нибудь предпринять, Рам обязательно посоветуется с добрым десятком своих друзей. К счастью, а может быть, и к несчастью, один из этих друзей — я.

То, о чем я хочу здесь рассказать, произошло не более года назад. Я сидел в редакции, безуспешно пытаясь закончить какую-то статью, когда вдруг зазвонил телефон:

— Алло! Алло! Это я, Рам Кишан.

— Ну, в чем дело?

ХОДЖА АХМАД АББАС, индийский писатель

РАССКАЗ

Рисунки А. Васина

— Если ты свободен сегодня вечером, забеги ко мне на минутку — хочу с тобой посоветоваться. Когда вечером я пришел к Раму Кишану, у него уже сидели три мушкетера — Дауд, Вазант и Шакур. Оказалось, что Раму для нового фильма нужна танцовщица, а найти подходящую было не так-то просто.

Итак, мы отправились на поиски танцовщицы. Не успела наша машина свернуть на Форас-роуд, как нашелся «проводник». Вид этого человека красноречиво говорил о его профессии.

— У меня есть как раз то, что вам нужно. Эта танцовщица заткнет за пояс самых знаменитых. Сейчас я провожу вас к ней.

Мы подошли к пятиэтажному дому. Откуда-то доносились приглушенные звуки музыки и ритмич-

ный звон ножных браслетов. Вдруг за одним из раскрытых окон раздался громкий женский смех, какой-то неестественный, истерический смех, внезапно сменившийся жутким криком. Но как раз в этот момент по эстакаде пронеслась электричка, и ее грохот заглушил все другие звуки. А когда шум поезда замер в отдалении, из освещенных окон по-прежнему лилась тихая музыка, смешанная с нежным звоном браслетов. Кто-то напевал осипшим голосом давно затасканную песенку:

*Идаль, что ты всегда проходишь мимо,
Приходи на нашу улицу, любимый...*

Наша неунывающая компания все поднималась по лестнице, которой, казалось, не было конца.

И вот наконец перед нами долгожданная дверь, за которой нас, может быть, ожидает удача.

Мы очутились в довольно просторной, но почти пустой комнате. На полу, застланном грязным полотном, лежало несколько туго набитых подушек, в углу поблескивал перламутром видавший виды аккордеон.

Пожилой человек, по всем признакам слуга, с заискивающей улыбкой приветствовал нас. Мы сняли ботинки и сели на пол. Наш «проводник» чувствовал себя как в собственном доме. Он бесцеремонно прошел в следующую комнату, отделенную от той, где мы сидели, грязной занавеской, и тотчас же вернулся обратно.

— Она ушла, но скоро придет, — объявил он.

Тот же старик, борода которого была выкрашена хной, а гноящиеся глаза полны неизбывной грусти, принес поднос с бетелем и, поставив его перед нами, поспешно удалился.

— Странный дом! — заметил Шакур.

— Да, — согласился я, — похоже, что за этой занавеской скрывается нечто весьма таинственное и, возможно, даже трагическое.

— Обратите внимание, какие воспаленные глаза у этого старца, — шепотом произнес Шакур.

Взглянув на часы, Вазант решительно заявил:

— Хватит, друзья! Уже половина пераого. Пойдемте отсюда!

Я уже был готов поддержать Вазанта, когда совершенно неожиданно из-за занавески вынырнул мужчина в серой измятой рубаше и дхоти. С его появлением спокойствие, царившее в комнате, было грубо потревожено, как будто на нас обрушился океанский шквал. А между тем внешность у этого человека была самая неприметная. Небольшой рост, темная кожа и маленькие, точно бусинки, глаза придавали ему сходство с хищным зверьком. Но зато как у него был подвешен язык! Слова вылетали из его рта с такой же невероятной быстротой, как пули из пулемета. Мне не раз приходилось терпеливо выслушивать словоохотливых продавцов,

болтливых парикмахеров, медоточивых агентов рекламных бюро и говорливых светских дам, но никогда еще я не встречал ничего подобного.

— Здравствуйте, джентльмены! Очень рад видеть вас. Не стесняйтесь, чувствуйте себя у нас, как в своей собственной семье,— затараторил «Пулемет». — О боги милостивые, как принимает этот негодный слуга столь почтенных гостей!.. Что прикажете подать вам — виски, бренди, джин? О, вы совсем ничего не пьете? Ни один из вас? Ну ничего, ничего... Надеюсь, от прохладительного вы не откажетесь? Да, да, в такую жару лучше всего выпить холодного лимонада... Массита! Эй, где же ты запропался? Ступай сюда, Массита... — На зов явился старик с грустными, воспаленными глазами. — Принеси пять стаканов лимонада да скажи, чтобы положили побольше льда... — Снова обернувшись к нам, хозяин этого более чем странного дома опять затараторил: — Итак, вы пришли посмотреть, как танцует Чандра. Многие приходят сюда насладиться ее искусством. Извините, что вам пришлось столько ждать. Но она только что вернулась из полицейского клуба. Сам сахиб полицейский комиссар удостоил ее гирлянды. Целых три часа танцевала она. Мне с большим трудом удалось увести ее оттуда. Все сходят с ума от ее танцев.

За дверью послышались чьи-то голоса, и в комнату ввалился толстый мужчина — купец, как мы потом узнали, — с двумя приятелями. Все трое были заметно навеселе.

— Здесь живет Чандра? — спросил толстяк. — Мы хотим посмотреть, как она танцует.

«Пулемет» немедленно пришел в действие:

— Заходите, заходите, сахиб... Намасте!¹ Вы оказали нам большую честь своим посещением. Чандра будет к вашим услугам через одну минуту. Понимаете, девушка только что вернулась из резиденции губернатора... Нельзя же в конце концов отказываться от официальных приглашений... О, как она танцевала!.. Представьте, сам губернатор надел на нее гирлянду... Да, да, лично губернатор, своими собственными руками...

«Пулемет» все строчил и строчил... Слушая его беспардонное вранье, мы буквально онемели от удивления.

— Если явится еще один посетитель, он, чего доброго, скажет ему, что сам президент своей собственной персоной возложил на нее гирлянду, — шепнул мне на ухо Дауд.

— Заходи, доченька, заходи, не стесняйся... — сказал «Пулемет», устремив взгляд на занавеску. И в то же мгновение занавеска раздвинулась, и мы увидели Чандру.

Чандра... Если вы надеетесь, что я опишу вам ее как образец красоты или олицетворение юности, то вас ожидает разочарование. Нет, ее заурядное лицо с маленьким вздернутым носом никак нельзя было назвать красивым. Девушка не отличалась также ни стройностью, ни изяществом. Зато ей была свойственна уверенность в своей женской неотразимости, венна уверенность, порожденная, вероятно, ее образом жизни. Вряд ли ей было больше девятнадцати лет, но она напоминала растение, которое слишком рано созрело в искусственном климате теплицы: оно еще сохранило свои прежние краски и аромат, но уже утратило первозданную свежесть.

Поклонившись каждому из гостей, Чандра села. Купец заметно оживился. Уставившись на нее помутневшими от вина глазами, он сказал, обращаясь не то к ней, не то к самому себе:

¹ Намасте — индийское приветствие.

— Разве это Чандра? Нет, нет, Чандра совсем другая...

Чандра громко расхохоталась. Это был деланный, фальшивый смех, и я вспомнил истерический хохот и жуткий крик женщины, заглушенный грохотом промчавшейся электрички.

«Пулемет» снова застрочил:

— Сахиб настоящий шутник... Впрочем, многие, взглянув на скромную девушку, не верят, что она и есть знаменитая танцовщица Чандра. Люди удивляются: девушке всего шестнадцать лет, а она так замечательно танцует. Поверите ли, Чандра сегодня танцевала на самом краешке медного тхали². О, если бы вы видели, в каком восторге был полицейский комиссар... Нет, нет, простите, не полицейский комиссар, я хотел сказать — губернатор. И не только он один — все были поражены...

— Танцевала на краешке тхали? — удивленно переспросил купец. — Bravo! Bravo!..

— Да что тхали! Тхали — сущие пустяки, сахиб. Я заставляю ее танцевать на лезвии меча. Да, да! У меня сохранился старинный меч. — И он закричал: — Массита! Слышишь, Массита? Сейчас же принеси меч!

Когда слуга принес оружие, я заметил в его глазах не только грусть, но и затаенный ужас, как будто он был ягненком, которого заставили принести нож для своего же собственного заклания. В воздухе блеснула сверкающая сталь, и все с восхищением и страхом посмотрели на Чандру. Каждый подумал: «Неужели и в самом деле эта девушка решится ступить ногой на кончик острого, как бритва, меча?»

— Вы не совсем поняли меня, господа, — сказал «Пулемет», вкладывая меч в ножны. — Успокойтесь... Чандра действительно будет танцевать на лезвии меча, но не сейчас, не сегодня. Мы для этого выберем другой день. По такому случаю мы пригласим сюда самых видных представителей высшего общества. Здесь соберутся все лучшие знатоки индийского танца. — И, возвращая меч Массите, он закончил свою тираду словами: — Положи его обратно в мой сундук...

Я опять невольно взглянул на старого слугу. Его глаза блеснули радостью, словно в последнюю минуту безжалостный мясник опустил нож, дав ягненку временную отсрочку...

Чандра начала танцевать, и нам сразу же стало ясно, что она не имеет ни малейшего представления о классическом индийском танце. Но тем не менее это была прирожденная танцовщица. Тело Чандры отличалось восхитительной гибкостью, в каждом ее движении ощущалось инстинктивное чувство ритма. Во время этого довольно вульгарного, но живого танца она спела несколько популярных песенок из кинофильмов. В общем и голос ее производил хорошее впечатление...

После танца Чандра принесла бетель. Когда она подошла с подносом к купцу, тот потребовал, чтобы Чандра своей рукой положила бетель ему в рот. Как только это странное требование было выполнено, купец бросил на поднос десять рупий и, схватив девушку за руку, силой усадил ее рядом с собой. Заметив выражение недовольства на лице Чандры, он сказал заплетающимся языком:

— Ты еще слишком молода, милая девушка, и потому тебе не по вкусу такие старые поклонники, как я. Но не забудь, Чандра, и ты когда-нибудь превратишься в сморщенную старуху. — Купец разразился пьяным смехом.

² Тхали — медное блюдо, медный поднос.

— Сахиб, зачем бояться того, что неотвратимо? — сказала Чандра. — Каждый, кто молод, неизбежно должен состариться, и каждый, кто рожден на земле, должен когда-нибудь умереть.

Ответ Чандры поразил меня. Я ощутил горечь в ее голосе и вдруг увидел, какими грустными были ее глубокие глаза.

Купец же не обратил на слова Чандры никакого внимания, как будто и не слышал их вовсе. Едва девушка умолкла, он снова грубо схватил ее за руку, пытаясь привлечь к себе. Чандра вырвалась и отбежала в сторону.

— Стесняешься, милая? — засмеялся купец и, обращаясь почему-то ко мне, спросил: — Что вы на это скажете, мистер?

Не желая связываться с этой пьяной тушей, я промолчал. Но купец повторял свой вопрос снова и снова, и я вынужден был ответить ему.

— Сахиб, — сказал я, стараясь придать своим словам аллегорический смысл, — если положить руку под колеса поезда, можно ожидать, что ее отрежут...

— Да, это хорошо сказано! — услышав я в удивленном голосе Чандры. — А если под колеса положить ноги, то их тоже можно потерять. Не так ли? — С этими словами она приподняла сари, обнажив чуть повыше щиколоток свои стройные и сильные ноги танцовщицы. То, что мы увидели, глубоко расстроило нас: туго стянутые ремешки с колокольчиками до крови врезались в кожу; тут и там виднелись ссадины и едва затянувшиеся рубцы. Но купец и на это нисколько не реагировал, как, впрочем, и на то, что было сказано мною и Чандрой. Он о чем-то перешептывался с «Пулеметом», и вскоре оба исчезли за занавеской.

Через некоторое время они вернулись.

— Чандра, попрощайся с сахибом. Видишь, сахиб уже уходит, — сказал «Пулемет», подобострастно извиваясь перед богатым гостем.

— Да, Чандра, я сейчас уйду, но завтра вечером опять приду сюда... Жди меня, дорогая. — И потрепав танцовщицу по щеке, купец удалился с видом человека, совершившего очень выгодную сделку. Тотчас же скрылись за дверью и его молчаливые собутыльники...

— Массита-абба, — крикнула Чандра. — Дай мне, пожалуйста, стакан воды.

«Массита-абба»?³ Да еще с таким ласковым ударением на слове «абба»? Что это может означать? — подумал я.

«Пулемет», очевидно, понял наше недоумение, как только слуга вышел, он сказал:

— Массита — наш старый слуга. Он присматривал за Чандрой, когда она была еще совсем ребенком, поэтому Чандра и называет его «Массита-абба»... — Считаю, наверное, вопрос исчерпанным, «Пулемет» резко переменяет тему разговора: — Ну, режиссер-сахиб, можно, пожалуй, приступить к делу.

— Вы не возражаете против того, чтобы ваша дочь снималась в моих фильмах? — спросил без обиняков Рам Кишан.

— Чандра — очень способная девушка. Она уже снималась дублершей в картине «Ирани Хур», — нахально набивал цену «Пулемет». — Но теперь я решил не пускать ее в кино, пока ей не дадут главную роль.

— Роль героини? — с подчеркнутым удивлением переспросил Рам Кишан.

— Да, я так решил, — несколько тише повторил «Пулемет». Но, испугавшись, что сказал явно лишнее и что Кишан, чего доброго, может еще передумать, он поспешно добавил: — Такое требование я предъявляю к другим. Вас же я считаю лучшим кинорежиссером, и Чандра будет счастлива получить в вашем фильме любую роль.

— Посмотрим, что можно будет сделать, — неопределенно сказал Кишан. — Во всяком случае как только будет что-нибудь подходящее, мой управляющий уведомит вас.

Мы уже собирались уходить, когда в комнату вошел стройный юноша лет двадцати. Поставив на пол корзину с цветами, он подошел к Чандре, которая в это время полулежала на подушке, устало вытянув ноги. С восхищением глядя на танцовщицу, юноша вдруг пропел высоким приятным голосом:

За один твой взгляд
продавец цветов
все цветы тебе
подарить хотел...

— Убирайся прочь! Не нужны мне твои цветы, — зло и раздраженно воскликнула Чандра, оборвав песню.

— Возьми хоть веночек для волос! — с мольбой промолвил юноша.

— Разве ты не видишь, что у меня уже есть веночек, — все так же сердито сказала Чандра.

— Тогда возьми цветы для твоих ног...

Не успела Чандра и слова вымолвить, как юноша положил к ее ногам два великолепных венка из жасмина и, посмотрев еще раз на девушку влюбленными глазами, будто навсегда прощаясь с нею, схватил корзину с цветами и выбежал вон...

По дороге домой мы обсуждали события этого вечера.

— У этой девушки, — заметил Рам, — не менее двух отцов — «Пулемет»-абба и Массита-абба...

— Но как вы думаете, чья она все-таки дочь — предприимчивого «Пулемета» или слуги с грустными глазами? — спросил я.

— А какая разница? И дочь падшей женщины остается дочерью своей матери, — философски заметил Шакур.

— Мне кажется, что она дочь Масситы. Разве нельзя допустить, что в молодости слуга был возлюбленным матери Чандры? — размышлял вслух Вазант.

— Но в таком случае, какое она имеет отношение к «Пулемету»? — не без основания возразил Дауд.

— Весьма вероятно, что он женился на матери Чандры, чтобы получить законное право на будущие доходы падчерицы, — нашелся Вазант.

Тайна оставалась тайной. Но одно было ясно: Чандра — это капля меда, над которой кружатся ядовитые мухи, Чандра — машина, которая делает деньги, и потому каждому хочется завладеть ею... Но что представляет собой сама Чандра? Дочь уличной женщины, с детства подготовленная к своей судьбе и уже примирившаяся с нею?.. «Пулемет»... Слуга с грустными глазами... Пьяный купец... В этой жестокой драме каждый играл свою роль. Но как объяснить неожиданное появление в ней молодого продавца цветов? Чем были вызваны его проникновенные слова, его песня, его романтическое приношение? Неужели и он принадлежит к этой подлой компании? Какова его роль в этой драме?..

Всю ночь мне снились какие-то путанные, стран-

³ Абба — ласкательное слово, употребляемое обычно при обращении к родителям.

ные сны. Мне снились браслеты из цветов. Браслеты из цветов обвивали красивые ноги Чандры. И они звенели, как золотые колокольчики, эти нежные благоуханные цветы...

Когда на другой день я проснулся, все, что произошло вчера, показалось мне страшно далеким и призрачным. Стремительно летело время. В суете повседневных дел я перестал думать о Чандре, о юном продавце цветов и других людях, окружавших ее. Так прошло много месяцев.

Чандра танцевала в фильме Рама Кишана, и ей уплатили пять тысяч рупий. Я видел ее на экране. Должен сказать, что в этом фильме не было ничего, кроме обнаженного женского тела и соблазнительных жестов. Но публике Чандра понравилась. «Пулемет» усиленно приглашал к себе в гости Рама Кишана, но всякий раз Раму удавалось найти подходящий предлог для отказа...

И вот однажды в моем кабинете зазвонил телефон и в трубке снова раздался знакомый голос:

— Алло! Алло! Это я, Рам Кишан.

— Узнаю... Конечно, я тебе опять понадобился по какому-нибудь срочному делу?

— Ты угадал. Если ты не очень занят сейчас, забеги ко мне на минутку. Хочу с тобой посоветоваться и кое-что предложить...

Когда я пришел, Рам был один.

— Послушай, — начал он прямо, — мне нужен сценарий для нового фильма. Это должно быть настоящее художественное произведение, основанное на фактах из реальной жизни!

— Что ж, я согласен помочь тебе, — сказал я. — Но сперва послушай устный вариант этого рассказа:

...В одном из пенджабских городов жила уличная женщина, славившаяся по всей провинции необыкновенной красотой, дивным голосом и талантом танцовщицы... (Обрати внимание, Рам, я даю тебе возможность показать в фильме сколько угодно песенок и танцев...) И вот у этой бедной, но прекрасной женщины родилась дочь. Шли годы. Дочь выросла и превратилась в хорошенькую девушку. Мать, которая всю жизнь тщетно пыталась вырваться из цепких рук сводниц и содержателей притонов, изо всех сил старалась, чтобы ее дитя не постигла та же страшная участь. На последние деньги, заработанные страданиями и позором, она дала дочери образование и воспитала ее как настоящую маленькую леди. Мечтая о счастливом будущем девушки, мать решила зажить честной жизнью. Она вышла замуж за одного из своих поклонников, который, увы, оказался волком в овечьей шкуре. Этот жестокий человек использовал свою юную падчерицу как средство наживы. Втайне от жены он увез девушку в Бомбей и отдал ее в притон. У негодея были далеко идущие планы. Он рассчитывал не только торговать телом своей падчерицы, но со временем и заставить ее сниматься в кино, чтобы прирастить себе все, что она зарабатывает. Но его расчеты не оправдались. Девушка горячо и искренне полюбила молодого продавца цветов...

— И называется твой рассказ «Чандра», не так ли? — прервал меня Рам Кишан.

— Совсем нет. Я назову этот рассказ «Цветы для ее ног».

— Ну хорошо, дальше, дальше...

— Как я уже сказал, девушка всем сердцем полюбила продавца цветов и решила выйти за него замуж — жить бедно, но вдаль от фальшивого блеска и соблазнов, которые вечно преследуют танцовщицу-куртизанку... Узнав о том, что задумала падчерица, отчим пришел в ярость. Ведь речь шла об источнике его дохода! Он то угрожал девушке, то ласково уговаривал ее, то с жаром принимался расписывать, какое замечательное будущее ждет ее, если она откажется от своего «безумного шага». Но девушка не сдавалась. Тогда он запер падчерицу, лишив ее возможности встретиться с продавцом цветов. Но ей каким-то образом удалось передать ему просьбу. Он должен был прийти за ней, чтобы освободить ее и навсегда связать с ней свою судьбу. Об этом узнал отчим. Узнал в последнюю минуту и...

— И что же? Что произошло? — спросил Рам.

— Да, действительно, что же произошло? — повторил я. — Дай мне подумать... Боюсь, что я и сам еще не знаю, что произошло. Может быть, я смогу сказать тебе завтра... Тебе придется потерпеть...

— Замечательный рассказ! — воскликнул Рам. — Напиши хорошую кульминационную сцену, и ты получишь за него четыре тысячи рупий.

Выйдя на улицу, я остановил первое попавшееся такси и среди бела дня помчался в переулочек, который пользуется, пожалуй, самой дурной славой в Бомбее. Через несколько минут я уже был там. В цветочном киоске, что стоит на углу переулочка, сидел старый человек и плел гирлянды. Я решил навести справки у него.

— Я как-то видел на этой улице молодого продавца цветов. Не скажете ли вы, где его найти?

Старик оторвался от своей работы и, посмотрев на меня слезящимися глазами, сказал:

— Если вы говорите о Бабу, то он торговал как раз в этом киоске. Теперь, как видите, на его месте сижу я. Да, он больше не Бабу — продавец цветов, теперь он Бабу-влюбленный. — При этих словах старец бросил многозначительный взгляд на дом, в котором жила Чандра.

Чтобы больше узнать от словоохотливого старика о романе Бабу, я заказал букет. Мой расчет оказался верным — старик опять заговорил.

— Она живет там, в этом пятиэтажном доме. Колдунья она. Да, да, колдунья. Ее зовут Чандра. — Продавец цветов говорил тихо и бесстрастно, словно разговаривал с самим собой. — Она околдовала парня, совсем свела его с ума. Он разорился, истратил все свои сбережения, продал киоск. Все бродит вокруг ее дома, как привидение... Вот и готов ваш букет. С вас всего восемь анна...

Теперь у меня уже не было предлога задерживаться дольше у киоска, и я направился прямо к дому Чандры. Поднявшись на пятый этаж, я постучал в дверь. Послышались чьи-то шаркающие шаги. Дверь открыл Массита. В ответ на мое приветствие он с испугом посмотрел на меня и приложил палец к губам.

— Чандры нет... Чандра в больнице... Чандра...

Он не успел договорить. Между мной и Масситой точно из-под земли выросла фигура «Пулемета». Сейчас он олицетворял собой скорбь и обреченность. Лицо его заросло щетиной, глаза были налиты кровью, изо рта несло дешевым вином. От его подобострастной вежливости не осталось и следа. Он набросился на меня с грубой бранью.

— Эй, мистер, черт вас побери, не думайте, что мой дом — это вонючий притон. Убирайтесь отсю-

да к дьяволу! — Повернувшись к слуге, он заорал: — О чем ты тут шепчешься? Пошел отсюда, мерзавец! — Бедный старик шмыгнул в дверь, точно испуганная крыса. «Пулемет» был основательно пьян. Он взглянул на меня безумными глазами и крикнул:

— Ты из полиции? Не отпирайся! Я таких чую за милю. Но я тебя не боюсь: сам полицейский комиссар — мой личный друг.

— При чем тут полиция? — удивился я. — О чем вы говорите?

— Да, да! Ты ничего не можешь мне сделать! — продолжал орать «Пулемет». — Когда моя Чандра танцевала в полицейском клубе, сам губернатор-сахиб надел на нее гирлянду. Понятно? — И он хлопнул дверь перед самым моим носом.

В тот же день я начал рыскать по больницам и в одной из них нашел наконец Чандру. Она лежала неподвижно на кровати, покрытая белой простыней. Было видно только ее лицо, очень бледное лицо. Мне даже сперва показалось, что она мертва.

Услышав мои шаги, она открыла глаза. Я осторожно положил букет на ее подушку, и, когда Чандра повернула ко мне голову, ее щека коснулась цветов. Их аромат, должно быть, пробудил ее сознание, и одно лишь слово, как вздох, слетело с ее губ:

— Цветы...

Глаза Чандры наполнились слезами. И глядя на ее белое, как мрамор, лицо, я подумал, что страдания и слезы очистили эту бедную душу от всех грехов притворства и других пороков.

— Это вы? Как вы сюда попали? — спросила она едва слышно. — Зачем?

Не мог же я сказать ей, что ищу конец для рассказа о ее жизни, за который мне предложили четыре тысячи рупий! И я сказал:

— Я был у вас дома и, узнав, что вы больны, решил навестить вас.

— Вы очень добры, — сказала она.

Вдруг по простыне скользнула тень и, обернувшись, я увидел Бабу. У него был такой вид, точно он не спал несколько ночей. В руках он держал два веночка из цветов жасмина. Бабу был в таком состоянии, что даже не заметил моего присутствия, — во всяком случае мне так показалось... Он медленно подошел к изголовью и, с нежностью глядя на Чандру, сказал:

— О Чандра, только сегодня я узнал, что ты здесь, — они так много лгали о тебе! Сказали даже, что ты ушла к купцу. Но я не верил им. Не верил ни единому слову... Что случилось с тобой, Чандра? Ты так похудела, так бледна... Я понимаю, все это из-за меня... Я уже нашел комнату и сегодня же увезу тебя к себе... Я не могу больше жить без тебя...

В то время как Бабу изливал свою душу перед Чандрой, я внимательно следил за игрой чувств на ее бледном, измученном лице. Она просияла, когда он подошел к ней, ее глаза засветились надеждой, но, ярко вспыхнув, тотчас же погасли. Потом лицо Чандры стало опять грустным, и я увидел в ее взгляде нечто такое, что заставило меня содрогнуться. То была какая-то отчаянная решимость, словно в ее глазах сверкнула молния. Ну а потом... Потом...

Мне никогда в голову не приходило, чтобы женщина могла быть такой непостоянной, такой бессердечной и низкой, какой предстала передо мной в этот момент Чандра. Вместо того чтобы ласково и любовно ответить на душевные слова

Бабу, она повернулась ко мне — да, ко мне! — и сказала нежнейшим голосом:

— Мой дорогой! Скажи, пожалуйста, этому человеку, чтобы он убирался вон!

«Мой дорогой!» И это относилось ко мне, которого она видела второй раз в жизни! А юноша, пожертвовавший ради нее всем, бросивший к ее ногам свое сердце и свою любовь, должен был убираться вон!.. И не потому ли, что Бабу — всего лишь бедный продавец цветов, а у меня сравнительно обеспеченное положение? Кажется, никогда в жизни я никого не ненавидел так сильно, как ненавидел в ту минуту Чандру.

Бабу стоял в каком-то оцепенении, пораженный ее словами. Я видел, как он побледнел, как безнадежно опустились его широкие плечи. Он смотрел невидящими глазами на нежные веночки, которые все еще держал в руке. В конце концов он робко положил их на постель Чандры, прибор-матов:

— Я... Я принес это тебе... тебе...

Чандра прижала к груди букет, который я ей подарил. Указывая на меня глазами, она сказала:

— Он уже преподнес мне прекрасные цветы. На что мне теперь твои веночки, Бабу?

— Надень их на ноги вместо браслетов, — умоляюще промолвил Бабу и с поникшей головой направился к двери.

Я взглянул на Чандру и подумал: «Стоит ли сердиться на это грубое, жестокое существо? Эта женщина не заслуживает ничего, кроме презрения».

— Простите меня, — сказала она. — Простите, что я впутала вас в этот разговор.

Меня душил гнев, и, вне себя от негодования, я воскликнул:

— Если вы желаете принести извинения, то принесите их не мне, а этим цветам. Вы, Чандра, одна из тех жалких, презренных женщин, которые неспособны оценить ни прелесть цветов, ни страстные излияния любви. В тот вечер, когда Бабу положил к вашим ногам свои прекрасные цветы, вы осмеяли его. Вам показалось это шуткой, смешной, вздорной шуткой, не больше. А ведь Бабу в тот вечер положил к вашим ногам не венки из цветов, а свое сердце. Вы должны были гордиться этими цветами, беречь их, как святыню, а вы грубо растоптали их. — Теперь я уже не говорил, а кричал. — Но вы не посмеете так поступить с теми цветами, которые он принес вам сегодня! Вы должны выполнить желание юноши, его, может быть, последнюю просьбу.

Молча, со скорбной улыбкой слушала меня Чандра. И с такой же горькой и печальной улыбкой она приподняла нижний край простыни. Слова замерли у меня на устах: там, где должны были быть ноги Чандры, белели два забинтованных обрубка...

— Чандра!

В моем воспаленном мозгу замелькали мрачные картины трагической жизни Чандры... Мне померещилось искаженное гневом лицо «Пулемета»... Сверкающее лезвие меча... Вечно грустные глаза Маскиты...

— Чандра!

— Это не шутка — танцевать на лезвии меча, — именно так сказал и доктор...

— Чандра!

— Что вас так потрясло? В конце концов разве не вы сказали, что если положить ноги под поезд, то их обязательно отрежет?..

Авторизованный перевод с английского
Л. Морошкиной и Б. Эпельфельда

Его имя — Лакшимипрасад Девкота. Родина — Непал. Он поэт.

Он был гостем нашей страны, выступал на Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки. Радостно изумленный, ходил по улицам Москвы — города, в котором давно мечтал побывать. «Прекрасна, как в сказке, Москва!» — писал он.

Замечательный поэт непальского народа, свободолюбец и патриот, автор пламенных строк, клеймящих колониализм и реакцию, Лакшимипрасад Девкота был искренним другом Советского Союза. Он безвременно скончался в 1958 году.

Поэты умирают — поэзия продолжает жить. Свидетельство этому — последние стихотворения Девкоты, одно из которых мы публикуем в нашем журнале в переводе Павла Железнова

ЛАКШМИПРАСАД ДЕВКОТА

ДЕРЕВО

Я в грудь земли корнями врос своими,
питаюсь соками земными.
Я вырваться хочу из темноты,
я жадно рвусь к лучу из темноты.
Из семени ростком хочу я стать,
подняться, сотней рук простор обнять
и, на земные корни опершись,
шуметь, вершиной гордо глядя в высь,
под зноем, градом и дождем,
встречая молнию и гром,
и ночью темною и днем...
Хотел бы я, плащом листвы одет,
вбирать в себя прозрачный лунный свет;
хотел бы сок для гибких рук-ветвей
брать от земли и солнечных лучей;
хотел бы бремя ощутить плодов
и миру был бы их отдать готов;
хотел бы, чтоб нашли в ветвях приют
те птицы, что о радости поют;
хотел бы получать от всех садов
посланья ароматные цветов;
хотел всегда б смотреть на солнце я,
чтоб рядом простиралась тень моя
и чтобы каждый, кто устал в пути,
в тени прохладной отдых мог найти.
А после смерти я б хотел сгореть
и пламенем своим людей согреть...
Я — малая частица бытия,
лишь искорка всемирной жизни я.
Я вырасти хочу лишь для того,
чтобы явить природы торжество.
Есть буду я, чтоб есть давать другим,
пить буду я, чтоб пить давать другим,
жить буду я, чтоб жить давать другим!
Я в очаге сгорю холодным днем,
чтоб научить людей пылать огнем,
когда надежду снегом занесло
и надо дать сердцам людским тепло.